

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ФИЛОСОФСКОГО ПАРОХОДА»*С.М. ПОЛОВИНКИН*

Прошло 90 лет со времени высылки из России группы ведущих философов Серебряного века. 23 сентября 1922 г. поездом Москва – Рига были высланы П.А. Сорокин и Ф.А. Степун. 29 сентября из Петрограда в Штеттин на пароходе «Обербургомистер Хакен» были высланы Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин, Н.Н. Ильина-Вокач, Б.П. Вышеславцев, Ю.И. Айхенвальд и др. 16 ноября на пароходе «Пруссия» были высланы Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, А.С. Изгоев-Ланде. 30 декабря из Севастополя на пароходе «Жанна» был выслан свящ. Сергей Булгаков. Выслан был также В.Ф. Булгаков (в 1923 г. из Крыма). Некоторые просто бежали от большевиков: В.В. Зеньковский, П.Б. Струве, П.И. Новгородцев, Г.П. Федотов, Н.С. Арсеньев, Л. Шестов, Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус. Эти судьбоносные для русской философии события обсуждались многократно¹.

На борту парохода «Пруссия» А.А. Евреинова произвела опрос выслаемых о причине высылки. Лосский ответил: «Я подумал: за что меня высылают? – не за политические деяния, – их я в течение пяти лет не совершал. Итак, меня изгоняют из России, как за год до того изгнали из Петроградского университета, ставя мне в вину только мою религиозно-философскую идеологию. Значит, сами мои противники тайне признают истинным тезис: сознанием определяется бытие, дух господствует над материей. Воздадим же хвалу духу и особенно восхвалим Того, Кто сотворил дух, наделил его творческой мощью и властью над материей»².

На более земные причины высылки указал Питирим Сорокин. Уже 4 октября 1922 г. в Берлине в докладе о современном состоянии России он обрисовал фон, на котором разворачивалось уничтожение философии: «В 1921 г. население России и советских республик, насчитывавшее 134 миллиона, убыло на 21 миллион, или 13,6 проц. Война и гражданская война в особенности произвела селекцию шиворот-навыворот, то есть убила лучшие элементы населения и оставила население второсортное... Громадные опустошения произошли среди умственно квалифицированных лиц, например, процент смертности ученых был в три раза выше процента смертности рядового гражданского населения... Произошли большие изменения в народной психике. Главнейшим из них является рост национализма как реакция на интернационализм. Во-вторых, рост антикоммунистической психологии. Сейчас, кроме одного-двух процентов населения, коммунистическая идеология не встречает нигде сочувствия. Коммунизм преодолен русским народом, его нет

больше ни в социальном устройстве, ни даже в психологии коммунистических кругов, он выродился в простую тиранию, деспотизм, идеологию современной правительственной бюрократии, хорошими словами прикрывающей жажду власти, богатства, привилегий и т.п.»³ В этих условиях у коммунистической бюрократии был один способ сохранить свою власть — репрессии. И конечно, были нужны «хорошие слова», каковыми являлись лозунги большевистской агитации и пропаганды. В области философии «хорошим словом» стал марксизм-ленинизм. Позднее самыми «хорошими словами» были указания товарища Сталина. Важнейшей задачей стала борьба с «плохими словами», которые произносили или могли произнести 98 — 99% населения России (по Питириму Сорокину). А ведь за «плохими словами» могли последовать и плохие дела, которые нередко и следовали. Высланные, если и не произносили «плохих слов», то вполне «хороших слов» тоже произнести не могли.

Не перечить всех деяний высланных философов в эмиграции. Куда бы ни приехали русские философы, прежде всего они образовывали религиозно-философские общества. Так, переехав из Штеттина в Берлин, Бердяев учредил там Религиозно-философскую академию. Подобные общества возникли в среде русской эмиграции от Парижа до Харбина. В Париже было создано «Братство Святой Софии, Премудрости Божией», куда вошли многие из высланных. Повсюду создавались высшие учебные заведения. В Париже был создан Свято-Сергиевский Православный Богословский Институт, деканом которого и фактическим руководителем стал свящ. Сергей Булгаков. Было организовано и несколько философских журналов. Крупнейшим эмигрантским философским журналом был «Путь» (1925 — 1940), который собрал все философские и богословские силы эмиграции. Журнал выходил под редакцией Бердяева, а среди «ближайших сотрудников» числились почти все высланные философы. К философским можно отнести и журнал «Новый град» (1931 — 1939) под редакцией Ф.А. Степуна, Г.П. Федотова и И.И. Бунакова. И.А. Ильин был редактором-издателем журнала «Русский колокол» (1927 — 1930). Выходили многочисленные евразийские издания. Философские статьи постоянно помещали «Современные записки», «Вестник РСХД», «Православная мысль», «Новый журнал», «Грани», «Мосты», «Символ» и др. Труды русских мыслителей-эмигрантов широко переводились на многие европейские языки и языки других народов мира. В эмиграции осуществлялся плодотворный контакт русской и немецкой, русской и французской интеллигенции.

Но были и философы, которые остались в России. Среди них свящ. Павел Флоренский, С.А. Алексеев (Аскольдов), С.Н. Дурылин, В.И. Несмелов, Л.А. Тихомиров, Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев, П.С. Попов. Жили они под постоянной угрозой уничтожения. Флоренский и

Шпет были расстреляны, умер в лагере Карсавин, оказавшийся после войны на территории СССР. Алексеев, Дурьлин, Несмелов и Попов арестовывались и ссылались, Лосев строил Беломорско-Балтийский канал, что губительно сказалось на его зрении.

Существует мнение о большей популярности философов 1920-х — начала 1930-х гг., живших в СССР, по сравнению с мыслителями «философского парохода»: «Самые популярные сегодня в мире русские философы и философствующие теоретики — это не представители русского религиозного Ренессанса начала столетия (последние из которых были высланы на «философском пароходе»), а мыслители, разработавшие свои концепции в Советской России в 20-е и начале 30-х годов»⁴. Среди них в цитируемой статье названы М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.А. Богданов, В.И. Вернадский, Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев, Я.Э. Голосовкер, К.Э. Циолковский. Популярность — странный критерий для оценки достоинства философа. Если же говорить о популярности в мире, то, конечно, огромной популярностью пользуется лишь Бахтин (хотя остальные из названных философов также переводимы и вполне популярны в мире), так же, как переводимы и популярны в мире мыслители «философского парохода». Появляются все новые и новые переводы их трудов, о них пишутся статьи, защищаются диссертации, их творчеству посвящаются международные конференции. Можно провести и количественное сравнение популярности этих двух групп мыслителей. Но нужно ли это делать? Популярность в мире и тех, и других явно уступает популярности таких «великих мыслителей», как Л.Д. Троцкий и Мао Цзедун. Но так ли это хорошо? Интересно другое сравнение — по искренности самовыражения. Мыслители «философского парохода» были достаточно искренни в своем самовыражении, что часто шло вопреки учению Церкви. Проблема адекватного самовыражения философов 1920-х гг. в Советской России — очень трудная проблема. Для них существовала лишь «относительная свобода», ограниченная цензурой. Безусловно, осуществлялась осознанная и неосознанная коррекция всего, что говорилось и писалось. «Внутренняя цензура» была неизбежной. Если «внутренняя цензура» ослабевала, то вмешивалась свирепая цензура государства. Конечно, философская мысль пробивалась сквозь эти фильтры, но всегда была не вполне адекватной, не в полной мере искренней. Часто читателю трудно было пробиться сквозь умолчания, марксистские привнесения и искажения смысла. Искренность же писаний философов русского религиозного Ренессанса покоряла читателя.

После высылки философов постепенно были закрыты и философские общества: Философское общество при Санкт-Петербургском университете (1922), Вольная академия духовной культуры (1923), Вольфила (1924) и др. Лишь в течение 1920-х гг. просуществовала

Государственная академия художественных наук (ГАХН), где до высылки сотрудничали Бердяев, Вышеславцев, Степун, Франк. После их высылки философия в Московском университете не преподавалась. Преподавание диалектического и исторического материализма и атеизма постепенно возобновилось к 1926 г. Кафедра философии Петроградского университета была разгромлена в результате высылки ведущих преподавателей. Пришли новые преподаватели. Среди них из числа политработников Красной Армии пришел С.К. Минин, автор широко обсуждавшейся статьи «Философию за борт!» (Армия и революция. 1922. № 5). Минин стал ректором университета. Какая уж при нем могла преподаваться философия? Немарксистские журналы были закрыты, их место заняли журналы «Вестник коммунистической академии» (1922 – 1935), «Под знаменем марксизма» (1922 – 1944) и др.

Марксисты-ленинцы уже с начала 1920-х гг. вырабатывают своеобразные приемы философской полемики. Среди них – уничижительная классовая характеристика критикуемого автора и призыв соответствующих органов к репрессиям против него. Такие приемы культивировались уже в первых номерах журнала «Под знаменем марксизма».

Многочисленные отзывы вызвала книга Флоренского «Мнимости в геометрии» (1922). Так, В. Тер-Оганесян считал выводы книги абсурдными и излагал их с напускной иронией. Решающим аргументом стала личность Флоренского: «Но спрашивается, кто сей Павел Флоренский, который преподносит такие открытия? Из приложенного к книге списка научных трудов его видно, что он – автор 50 работ. До 1917 г. он, оказывается, интересовался такими темами, как “Служба Софии, Премудрости Божией”, “Земной путь Богоматери” и т.д. Кроме того, в книге же есть указание на то, что содержание ее автор излагал студентам с кафедры Сергиево-Посадского института народного образования. Но самым замечательным является то, что Павел Флоренский в настоящее время занимает кафедру в б. Строгановском училище и зарегистрирован в Московской комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ) по списку математиков, состоит в третьей категории, как крупный, сложившийся ученый. Что существуют богословы, которые не могут не писать о житии святых, это еще понятно. Но когда эти богословы официально именуются “крупными сложившимися учеными” – это совершенно непонятно»⁵. Предполагались и оргвыводы для Флоренского: изгнание из ВХУТЕМАСа и лишение помощи КУБУ.

Следующая рецензия без названия принадлежала С.М. Городецкому, который под влиянием книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» открыл для себя истинность марксизма и стал борцом с религиозным мракобесием. В биографическом очерке «Мой путь» Городецкий писал: «Осенью [1922] я уехал за семьей в Баку. Ехали

месяц по едва наведенным мостам. Купе было заполнено литературой. Я впился в книгу “Материализм и эмпириокритицизм”. Этот месяц в вагоне с книгой Ленина в руках стал для меня подлинным университетом... Первой моей пробой пера после ленинской учебы была злая рецензия на книгу Павла Флоренского... “Мнимости в геометрии”⁶. Кроме злости, облеченной в форму критики ленинского типа, в этой короткой рецензии по существу ничего нет. Вот образец понимания и стиля рецензии: «Достаточно перекувырнуться, и вы попадете на тот свет, “в царство идей Платона”». По сравнению с рецензией Тер-Оганесяна здесь есть и новое — донос на Главлит за допущение «подобного мракобесия» в печать, указан даже номер визы — 1987.

Общее положение для объяснения сложившейся ситуации выдвинул Г.К. Баммель: «...идейная борьба свергнутых фабрикантов и помещиков против рабочего класса была перенесена преимущественно в философию»⁷. По всей видимости, к фабрикантам и помещикам он причислил Н.А. Морозова, С.А. Аскольдова и свящ. Павла Флоренского. Ссылаясь на работы Н.А. Морозова «Принцип относительности и абсолютное. Этюд из области проявлений волнообразного движения» (Пг., 1920), А.С. Аскольдова «Время и его преодоление» (Мысль. 1922. № 3), П.А. Флоренского «Мнимости в геометрии» (М., 1922), он характеризовал их естественнонаучные взгляды следующим образом: «Сторонники теории относительности Эйнштейна развили бешеную кампанию в защиту ветхозаветной космогонии, утверждая, что мир конечен, что объективно, вне нас, не существует вовсе пространства и времени, что истинной оказывается не коперниковская, а птолемеяевская система»⁸.

Г.К. Баммель прибегал к красотам стиля, имея в виду уязвить русскую религиозную философию: «Вышитая золотом из хозяйского кошелька поповская риза Лосских, Франков, Карсавиных и К^о была наброшена на духовное и физическое крушение капиталистического мира»⁹. Не забыл Баммель и обвинений в антисемитизме. В той же статье он писал о Бердяеве (!): «Он зовет “в ночь средневековья” и цинически развертывает настоящую идеологию еврейских погромов: Маркс — еврей. Евреи ждали земного мессию, социализм хочет осуществить земной рай. В основе социализма, след<овательно>, лежит еврейство»¹⁰.

Состояние эмигрантской философии живописал И.К. Луппол: «...здесь и С. Франк, скинувший за рубежом последние одежды либерализма и разгуливающий теперь в одних исподниках “живого знания”, здесь и средневековый фанатик Л. Карсавин, простирающий свои руки инквизитора к Джордано Бруно... здесь и смиренный иерей С. Булгаков с непосвященным еще иподиаконом И. Ильиным»¹¹.

21 мая 1930 г. в Институте философии Коммунистической академии Х.И. Гарбер прочел доклад, в котором строго осудил мистиче-

ское толкование теории относительности Флоренским и Лосевым: «Неудивительно, что теории относительности он (Лосев. – С. II.) дает явно мистическое истолкование и при этом ссылается на книгу Флоренского “Мнимости геометрии” (Именно так. – С. II.). Каждый, читавший эту книгу, знает, что Флоренский совершенно произвольно и необоснованно оперирует скоростями, равными скорости света, тогда как теория относительности возбраняет это делать»¹². Вся статья могла бы стать частью дела Лосева, который был арестован в апреле 1930 г., а концовка статьи – частью обвинительного заключения: «Лосев является философом православия, апологетом крепостничества и защитником полицейщины»¹³. Данная характеристика явно нависала и над Флоренским. В то время существовала практика подшивания подобных статей к следственному делу.

В.Г. Фридман считал, что объяснение полной неподвижности Земли, предложенное Флоренским, не годится, ибо оно «правда, очень приятно для защитников религии, но с точки зрения принципа относительности оно не выдерживает критики, так как согласно этому принципу нельзя говорить ни о покое, ни о движении самой земли (взятой изолированно): имеет место лишь относительное движение земли и солнца (или звезд)»¹⁴. Словом, Флоренский, по его мнению, основывается не на теории относительности, а на какой-то собственной теории «выворачивания тел (в том числе и мозгов Флоренского) через самого себя»¹⁵. Тут же Фридман обрушивается на книгу Лосева «Античный космос и современная наука»: «Достаточно хорошо известный идеалист-“диалектик” А. Лосев стоит на точке зрения, близкой точке зрения Флоренского... Здесь мы имеем дело со стопроцентным субъективным идеализмом и поповщиной. Классовая сущность этих упражнений А. Лосева и им подобных очевидна. Вот, можно сказать, злонравия (церковного) достойные плоды, плоды религиозного мракобесия и умоиступления»¹⁶. Упомянул Фридман и Карсавина, имея в виду его статью «О свободе» (Мысль. 1922. № 1), где утверждается, что «будущее существует»: «Карсавин не только защитник религии, он философ-мистик, даже основавший в дореволюционное время мистическое общество “блаженной Анджели”»¹⁷.

Самым энергичным гонителем ученых-естественников был Эрнест Кольман, всячески утверждавший «партийность в науке», в том числе и «партийность в математике». В статье «Против новейших откровений буржуазного мракобесия» Кольман высказывал тревогу по поводу того, что эксплуататорскими классами «утонченнее подается религиозный яд в сахарных пилюлях “научных” и философских систем»¹⁸. «Творческим развитием» марксизма-ленинизма является открытие Кольманом эксплуататорской сущности математики: «И действительно, если не каждое отдельное положение математики и геометрии, то математика в целом в своем историческом развитии не

только отражает классовую борьбу, но и становится орудием в руках господствующих классов, прямо или косвенно составляя прикрытие для религии, помогая им осуществлять их эксплуататорские цели»¹⁹. Далее, в качестве примера, следует «персональная проработка» Макса Планка за допущение «идеального духа» и за пособничество Гитлеру. Но главные удары направлены, конечно, против «своих». После обильного цитирования «Мнимостей...» и обширных выписок из библиографии трудов Флоренского Кольман приходит к итоговой оценке: «П.А. Флоренский – не просто рядовой поп, это ученейший воин черносотенного православия, махрового идеализма, беспросветной мистики»²⁰. Покончив с Флоренским, Кольман приступил к Лосеву: «Выходит, что наши редакторы не сумели раскусить Флоренского. Зато его прекрасно понял небезызвестный вождь истинно русского идеализма А.Ф. Лосев»²¹. После цитаты из Лосева-«мистика» следует резюме: «И вот эдакая идеология, написавшая на своем щите двуступенчатые псалма:

Темна вода во облацех небесных,
Тамо гади, их же несть числа...

проходит в наших советских журналах незамеченной. Порою остаются незамеченными и сами гады...»²² Походя досталось и ряду ученых: «...проповедью идеализма занимаются и такие ученые, как Вернадский, Френкель, Гамов и др.»²³. В конце статьи Кольман призывал к идеологической бдительности: «Классовая борьба принимает на данном этапе социалистического строительства особые формы. Тов. Сталин дал с исчерпывающей полнотой анализ сопротивления классового врага со всеми его хитро замаскированными приемами. Ошибается тот, кто полагает, что классовый враг только кулак и подкулачник, что он прячется лишь под видом счетовода, агитирующего за выступление из колхоза, ошибаются те, кто не понимает, что классовая борьба не затухает и на идеологических вершинах, кто не понимает, что анализ, данный т. Сталиным, необходимо, правильно применяя его, приложить и к идеологической борьбе»²⁴. По всей видимости, себя Кольман мнил бдящим на этих «идеологических вершинах» во всеоружии марксизма-ленинизма-сталинизма и готовым к изничтожению всех «гадов», сюда вползающих.

Приведенные образцы «полемических» выпадов показывают уровень, до которого пала философская мысль. Философы-эмигранты не отвечали на поношения. Оставшимся в России философам ответить не давали. Да и что можно было ответить на эти обвинения? Что ответить Баммелю и Лупполу? «Я не набрасывал поповской ризы на капитализм»? «Я – не иподиакон Булгакова»? Без умного оппонента философская мысль глупеет, разнудывается и дичает. А в условиях построения социализма и вовсе становится людоедством. Трудно воссоздать психологический портрет писавших эту чушь людей. От-

куда они взялись? Откуда это сочетание самоуверенной тупости и беспощадности? По своей сути эти статьи были доносами, которые грозили арестом и гибелью. Исчезло понятие совести, а после исчезла и сама совесть. На месте ее появились «классовое чутье», «принцип партийности», указания тов. Сталина и т.п., которые выжгли совесть, справедливость, объективность (борьба с «буржуазным объективизмом»). Полемика-донос 1920-х гг. подготовила почву для «большого террора» 1930-х. В обществе людоедов опасно жить и самим людоедам. Многие из критиков русской религиозной философии сами были репрессированы. В 1920-е гг. еще велась полемика с «классово чуждыми». В 1930-е гг. постепенно наступает молчание, продолжавшееся до времен перестройки, вокруг имен эмигрантов, репрессированных философов и не-философов.

Помимо изничтожения врагов и грубой идеологической пропаганды, решением каких же проблем была занята советская философия в 1920-е гг.? В это время разгорелся спор между «диалектиками», возглавляемыми А.М. Дебориным, и «механистами», возглавляемыми Л.И. Аксельродом и А.К. Тимирязевым. Нельзя не согласиться с оценкой этого спора В.А. Лекторским: «Действительно, 20-е годы истории советской философии (как отечественные, так и западные) описывают прежде всего как борьбу т.н. “диалектиков” и “механистов”. Нам сегодня ясно, что, хотя судьба многих участников этих споров впоследствии сложилась трагически, сам спор имел отдаленное отношение к реальным философским проблемам и во многом был лишь средством решения идеологических и политических вопросов. Чего-то такого, что было бы философски поучительным сегодня, трудно найти как у “диалектиков”, так и у “механистов”. Анализ этих дискуссий может быть интересен разве что с точки зрения изучения становления тоталитарной идеологии в Советском Союзе»²⁵. Деборин победил «механистов», но в 1930 г. начинается травля деборинцев со стороны В. Ральцевича и двух будущих сталинских академиков М.Б. Митина и П.Ф. Юдина. Спор был «решен» лично тов. Сталиным, назвавшим взгляды деборинцев «меньшевистствующим идеализмом». Окончательно эти споры были «решены» постановлением ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г., где «механизм» был осужден как своеобразный ревизионизм, а деборинцы были названы по Сталину «меньшевистствующими идеалистами». Уже в 1920-е гг. вырабатывается «методология» решения философских и многих естественнонаучных проблем: «решающей» инстанцией оказываются постановления высших органов партии, которые выполняют указания лично тов. Сталина. Верно отметил А.П. Огурцов: «Философия становится в буквальном смысле идеологической дубиной, с помощью которой сталинисты завершили разгром вольнолюбивой философской мысли, покончили даже с минимальными островками независимых теоретических исканий»²⁶.

Сталин хотел стать и великим философом. Для этого ему надо было убрать не конкурентов (таковых быть не могло), а тех, о ком можно было подумать, что они хоть какие-то философы, и он применил метод, которым после него пользовались хунвэйбины — натравливание младших на старших. Были уничтожены старые коммунисты, «ленинская гвардия». Емельян Ярославский в 1930 г. говорил: «А посмотрите, какая воспиталась огромная армия партийцев, являющаяся прекрасной сменой старым большевикам! Многие старые большевики отстали, и надо сказать, что вы тоже начинаете уже очень сильно отставать от той молодежи, которая не удовлетворяется вашей схоластической работой»²⁷. Под философской молодежью имелись в виду Митин, Юдин и Ральцевич. А «старых и отсталых схоластиков» в стремительном походе к светлому будущему коммунизма не жалко было и пристрелить. Убирая старых коммунистов, которые знали историю партии изнутри, Сталин готовил восторженных читателей своего «Краткого курса истории ВКП(б)». Свидетели действительных событий были ему не нужны. А уж философская молодежь старалась всю. Она, с одной стороны, превозносит Сталина. Митин вещал: «Тов. Сталин и в практике и в теории дает нам замечательные образцы творческого, действенного понимания марксизма-ленинизма»²⁸. С другой стороны, эти молодые становятся идеологическими палачами даже для своих недавних единомышленников. Так, Митин писал о Ральцевиче, что он «двурушник, враг народа, умело и тонко скрывавший свою вредительскую деятельность»²⁹. Тот же Митин писал о группе философов, что они стали «японо-германскими троцкистско-фашистскими агентами»³⁰. Цели философов-палачей и расстрельных команд были едины.

Развитие философии заканчивается вместе с ее усиленной сталинизацией. Она окончательно оформляется в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938), где вся философская премудрость изложена в разделе «О диалектическом и историческом материализме» (С. 99 — 127). Этот раздел написал Сталин, позже он включил его в свою книгу «Вопросы ленинизма». И от марксизма, и от ленинизма в нем мало что осталось. Этот примитивный текст стал символом веры для всех философов, для всех граждан СССР. Отступить от него хоть на шаг было смертельно опасно. Даже сверхпринципиальный Белецкий не мог и подумать его критиковать. В годы «большого террора» особо угрожающе звучали слова из «Капитала» великого гуманиста Маркса: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»³¹.

Вместе с ростом «национал-большевизма» появилась потребность в великой русской философии. И вершиной развития русской философии были провозглашены давно почитаемые интеллигенцией «революционные демократы» — А.И. Герцен, В.Г. Белинский,

Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов. Мифологизации их образов были, в основном, посвящены усилия историков русской философии той поры. За «революционными демократами» шел провал, на дне которого копошились всяческие «измы» — идеализм в двух обличьях, фидеизм, волюнтаризм, иррационализм и пр. Затем в истории отечественной философии появились Ленин и Сталин. На этом развитие философии заканчивалось.

И после войны философия продолжает существовать в режиме указаний тов. Сталина. В 1946 г. вышла книга Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Поначалу книгу одобрили и выдвинули на соискание Сталинской премии. Но вот в ноябре 1946 г. появилось письмо З.Я. Белецкого к Сталину, где он усомнился в достоинствах книги. Письмо заканчивалось словами: «Мне кажется, что сейчас философский участок идеологического фронта нуждается в исключительном внимании к себе... Устранить недостатки без Вашей помощи невозможно»³². Белецкий в течение многих лет бесстрашно обличал власть имущих философов. Он выступал также против А.Ф. Лосева, против вейсманистов-морганистов и т.д. Существует характерная легенда: когда Белецкого спросили, что есть истина, он распахнул окно и, указав на Кремль (дело было на Моховой), воскликнул: «Вот она — Истина!»³³ Белецкий, конечно, имел в виду не Кремль, а Сталина в Кремле. Если Сократ поверял истину нашептываниями своего демона, то Белецкий зывает к Сталину как к высшему судье в разрешении философских проблем. Начинается многоступенчатая дискуссия, в которую были вовлечены члены ЦК ВКП(б) и лично А.А. Жданов. Ему составили доклад, который был послан Сталину и, в целом, одобрен. И истина в последней инстанции была возведена Ждановым философскому народу, который, обретя ее, возликовал. М.Б. Митин написал Жданову: «Уважаемый Андрей Александрович! Не могу удержаться от того, чтобы не выразить свои чувства после Вашей речи. Ваша речь доходит до глубины души. Есть силы на философском фронте, люди выросли — и после такой мобилизующей речи — должен быть серьезный сдвиг в работе. Вот каким большевистским языком мы должны говорить! Вот чему мы должны учиться»³⁴. Сам Александров был далек от ликования. Через некоторое время он написал послание Сталину и Жданову, в котором сдержанно покаялся: «Я вполне сознаю, что, не поправь меня Центральный Комитет по теоретическим вопросам, мало пользы было бы от меня как профессионального философа для партии»³⁵. Последовали оргвыводы: «Г.Ф. Александров был освобожден от должности начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Его ждала “страшная” кара — назначение директором Института философии Академии наук СССР. “Щуку бросили в реку»»³⁶.

Г.Ф. Александров (1908 — 1961) впитал в себя дух победившей советской философии. Он окончил Московский институт истории и фило-

софии (1932). Карьера его была блистательна — он добился всего, чего только может добиться советский философ: доктор философских наук (1938), профессор, академик АН СССР (1946), лауреат Сталинской премии (1943, 1946), начальник управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) (1940 — 1946), директор Института философии АН СССР (1947 — 1954), министр культуры СССР и т.д. Он специализировался в области истории философии, где можно было говорить о философии хоть что-то объективное. Не без оснований газета «Вашингтон Пост» (20 августа 1948 г.) назвала Александрова «самым выдающимся советским философом»³⁷. Но... Приведу характеристику Александрова, данную ему К.И. Чуковским в дневниковой записи от 11 марта 1955 г.: «Я этого Александрова наблюдал в Узком. Каждый вечер он был пьян, пробирался в номер к NN и (как говорила прислуга) выходил оттуда на заре. Но разве в этом дело. Дело в том, что он бездарен, невежествен, хамоват, туп, вульгарно-мелочен. Когда в Узком он с группой “философов” спешно сочинял учебник философии (или Курс философии), я встречался с ним часто. Он, историк философии, никогда не слышал имени Николая Як. Грота, не знал, что Влад. Соловьев был поэтом, смешивал Федора Сологуба с Вл. Соллогубом и т.д. Нужно было только поглядеть на него пять минут, чтобы увидеть, что это чинуша-карьерист, не имеющий никакого отношения к культуре. И его делают министром культуры!»³⁸ Эта характеристика ценна тем, что вершинный представитель советской философии был в ней увиден глазами представителя культуры Серебряного века. И картина получилась неутешительная.

Философы Серебряного века были высланы, унижены, подавлены, и, казалось бы, должна расцвести марксистско-ленинская философия, которой никто не мешает. Однако ничего подобного не произошло. Провальное «положение на философском фронте» в 1949 г. обрисовал Ю.А. Жданов: «Что же касается наших философов профессионалов, заполняющих институты философии и философские кафедры учебных заведений, партийных школ, то никто из них за тридцать лет советской власти и торжества марксизма в нашей стране не высказывал ни одной новой мысли, которая вошла бы в сокровищницу марксистско-ленинской философии»³⁹.

После смерти Сталина произошло оживление во всех областях жизни общества, в том числе и в философии. Появляются философы, пытающиеся самостоятельно мыслить и, под гнетом цензуры, все же издавать свои труды. Крепнет философский самиздат и тамиздат.

С конца 1980-х гг., начинается интенсивное печатание в России трудов философов Серебряного века. Эти труды обсуждаются на конференциях, им посвящены многочисленные книги и статьи, защищаются диссертации. Авторы «философского парохода» вернулись на родину своими трудами. Они оказали сильнейшее влияние на современную

религиозную мысль России. Но существует ли творческое развитие их идей? Каковы перспективы дальнейшего развития русской религиозной философии? Может ли она пойти или уже пошла новыми путями? Трудно однозначно ответить на эти вопросы. Они требуют и широкого обсуждения, и религиозно-философского творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Хоружий С.С.* Философский пароход // Литературная газета. 1990. 9 мая и 6 июня; *Геллер М.* Первое предостережение – удар хлыстом // Вопросы философии. 1990. № 9; *Рецикова В.* Высылка из РСФСР // Минувшее. Вып. 11. – М.; СПб., 1992.; *Козан Л.А.* «Выслать за границу безжалостно» // Вопросы философии. 1993. № 9; *Главацкий М.Е.* «Философский пароход»: год 1922-й. – Екатеринбург, 2002; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921 – 1923 / публ. В.Г. Макарова и В.С. Христофорова. – М., 2005 и др.

² *Макаров В.Г.* Историко-философский анализ внутривластной борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России. – М., 2010. – С. 90.

³ Там же. – С. 284.

⁴ *Лекторский В.А.* Предисловие // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1920 – 50-е годы. – М., 1998. – С. 4.

⁵ *Тер-Оганесян В.* Назад к Птолемею // Под знаменем марксизма. 1922. № 9/10. – С. 230.

⁶ *Городецкий С.М.* Жизнь неукротимая. Статьи. Очерки. Воспоминания. – М., 1984. – С. 16.

⁷ *Баммель Г.К.* На философском фронте после Октября. – М.; Л., 1929. – С. 29.

⁸ Там же. – С. 26 – 27.

⁹ *Баммель Г.К.* Об идеалистической философии после Октября // Под знаменем марксизма. 1930. № 5. – С. 44.

¹⁰ Там же. – С. 43.

¹¹ *Луттол И.К.* На два фронта. – М.; Л., 1930. – С. 16 – 17.

¹² *Гарбер Х.И.* Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева // Вестник Коммунистической Академии. 1930. № 37/38. – С. 133.

¹³ Там же. – С. 144.

¹⁴ *Фридман В.Г.* Теория относительности и антирелигиозная пропаганда. – М., 1932. – С. 21.

¹⁵ Там же. – С. 59 – 60.

¹⁶ Там же. – С. 60.

¹⁷ Там же. – С. 67.

¹⁸ *Кольман Э.* Против новейших откровений буржуазного мракобесия // Большевик. 1933. № 12. 30 июня. – С. 88.

¹⁹ Там же. – С. 91.

²⁰ Там же. – С. 93.

²¹ Там же. – С. 94.

²² Там же. – С. 95.

²³ Там же. – С. 94.

²⁴ Там же. – С. 95.

²⁵ *Лекторский В.А.* Предисловие // Философия не кончается... – С. 3.

- ²⁶ Огурцов А.П. Подавление философии // Философия не кончается... – С. 106.
- ²⁷ Яхот И. Подавление философии в СССР (20 – 30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 10. – С. 86.
- ²⁸ Там же. – С. 75.
- ²⁹ Там же. – С. 99.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М., 1940. – С. 126.
- ³² Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Философия не кончается... – С. 250.
- ³³ Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело профессора З.Я. Белецкого // Философия не кончается... – С. 226.
- ³⁴ Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Философия не кончается... – С. 260 – 261.
- ³⁵ Там же. – С. 267.
- ³⁶ Там же. – С. 278.
- ³⁷ Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело академика Г.Ф. Александра: эпизоды 40-х годов // Философия не кончается... – С. 214.
- ³⁸ Чуковский К.И. Дневник. Т. 3: 1936 – 1969. – М., 2011. – С. 188.
- ³⁹ Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело профессора З.Я. Белецкого // Философия не кончается... – С. 232.

Аннотация

Статья посвящена 90-летию высылки выдающихся русских мыслителей осенью 1922 г. из Советской России. Автор статьи сравнивает деятельность философов русского зарубежья с той философией, которая продолжала развиваться в СССР. Основными критериями сравнения выступают и степень свободы в самовыражении, и результаты философской деятельности. Анализ фактического материала позволяет сделать вывод о значимости философской работы, проделанной русскими мыслителями в эмиграции. По мнению автора статьи, остается открытым вопрос о том, какое дальнейшее творческое развитие получит философия русского зарубежья, каковы перспективы русской религиозной мысли.

Ключевые слова: русская эмиграция, религиозная философия, советская философия, философские дискуссии 1920 – 1930-х гг., диалектический материализм.

Summary

The article is devoted to 90 years since the leading Russian philosophers were deported from Soviet Russia in fall 1922. The author compares the activity of Russian emigrant philosophers with the philosophy that continued to develop in the USSR. The main points of comparison are the amount of freedom in self-expression and the results of philosophical work. The analysis of facts reveals allows to conclude how important the work of Russian emigrant philosophers was. The author believes that the question remains open of what further development will the Russian philosophy abroad have and what perspectives lie before Russian religious thought.

Keywords: Russian emigration, religious philosophy, Soviet philosophy, philosophical discussions of the 1920s and the 1930s, dialectical materialism.